

Прилетели в лето - в библиотеку...

Лионель Эпинэ

Вообще-то Лионеля в библиотеку запускать нельзя. Уважения к книгам и к другим читателям в Эпинэ было не то что меньше, чем хотелось бы, а вообще явно недостаточно. Но здесь с привычкой француза упорно нарушать священную библиотечную тишину еще были незнакомы, остановить его было некому - так что в библиотеку Лионель проник практически беспрепятственно. А там, в библиотеке - если и хранил тишину, под влиянием торжественности, величественности и внушительных размеров помещения, то недолго. Исключительно первые секунд тридцать, вряд ли дольше.

Насвистывая себе под нос какую-то прилипчивую мелодию, крутившуюся в голове с самого утра, Эпинэ побрел между полками, перебирая пальцами корешки книг и читая крупные иероглифы, которые можно было разглядеть, не надевая очки - нет, очки, конечно же, были при себе, куда же без этих проклятых линз, но так не хотелось цеплять это орудие пытки к себе на переносицу... У мелодии неожиданно прорезались французские слова - и Лионель негромко напевал их себе под нос, пробираясь между стеллажами. Вот разве что не орал песню, потому что библиотека - а так впринципе для Эпинэ библиотека ничем от любой другой комнаты не отличалась...

Мэйлин Юн

Мэй начала с самого простого, что вообще только можно придумать в каллиграфии - с иероглифов "один", "два", "три", "четыре", "пять" и так далее до десяти. Дело в том, что писала Мэй очень неаккуратно и очень быстро, отчего часть иероглифов просто сливалась в одну строчку. Конечно, синшу и цаошу - тоже красивый стиль написания, но только не в ее исполнении. Так что перед тем, как переходить к чему-то более сложному, Мэй начала с самых низов, решая погонять себя предварительно по всякой ерунде.

Прописи, которые Мэйлин специально нашла в Лхасе, казались приветом из страшного школьного прошлого, когда в таких заставляли писать в начальных классах. И вот теперь Мэй снова почувствовала, что ей как будто лет шесть-семь, когда она только впервые взяла карандаш в руку. Сегодня у нее, конечно, была уже гелевая ручка, потому что карандаш - это совсем для слабаков. Девушка все же считала, что с десятками справится легко, однако уже иероглиф 四 начал отчаянно сопротивляться. Если левая вертикальная черта и сразу же за ней горизонтальная с вертикальной получались еще куда ни шло, то вот внутри них откидные выходили такими корявыми, что хотелось просто выколоть себе глаза. Мэй зажала ручку между пальцами и подперла щеку кулаком. Если и дальше так пойдет дело - то она удавится со скуки. И о да! Кто-то добрый там наверху не смог этого допустить!

Мэйлин откинулась на подушке чуть назад, что таким образом из-за стеллажа со свитками и книгами была видна только одна ее темная голова. Ей было интересно посмотреть, кто такой смелый проник в библиотеку и не соблюдает режим громкости.

- Это же библиотека, - слегка удивленным тоном, как бы намекаящим, что тут нужно сидеть тихо, и словно не понимая, откуда тут взялся молодой человек, произнесла девушка, все еще сидя вот так нелепо, откинувшись назад и выглядывая из-за полки, отчего медленно, но верно начинала затекать спина и отваливаться поясница.

Лионель Эпинэ

Ну естественно, такого, чтобы балде Лионелю никто не сделал замечания по поводу его шумливости в библиотеке - такого еще никогда не бывало... И, кстати, каждый раз по-новому, хоть коллекцию собирай. Вот даже и сейчас - такая нежная манера делать замечания, это ж что-то инновационное... Экспериментальные методы в педагогике? Удивленный Эпинэ, почти копируя жест девушки, тоже откинулся назад, опираясь на так удачно находившийся прямо за спиной стеллаж, чтобы ему все-таки не одна, несомненно, очаровательная головка была видна, а хотя бы еще что-нибудь...

- Библиотека? А что библиотека? Я же не пожарник будущего, книги не жгу, - нет, Ли вовсе не прикидывался веником или чем еще там прикидываются в таких случаях. А честно затупил - и только потом до него запоздало дошло: - А! Ты про то, что я пою? Мешаю? Прости, виноват. А что, ваша библиотека немагическая, обычная, сама громы и молнии на головы нарушителей спокойствия не обрушивает? - Неизвестно, какую чушь ляпнул бы дальше - но в этот момент как раз и прилетело. Гром. Молния. Кара...

Конечно, скорее всего, никакая это не магия, а просто сам лопух, неловко стеллаж толкнул - откуда-то с верхней полки сорвалась книга и ухнула вниз. Четко по затылку. Хорошо, что не по уху - точно бы одноухим оставила... Эпинэ удивленно охнул, посмотрел наверх, потер затылок и задумчиво сказал: - Ладно, предположим, это был мне знак свыше закрыть рот... - Подобрал упавшую книгу - чего бы и не взять, раз сама накинута? - вышел из-за стеллажей и, приблизившись к девушке, скользнул взглядом вежливого любопытства по написанным ею строчкам. Не разобрал ни слова - это для Ли было уже слишком мелко написано... Но как всегда, как привычно - не выдал своей близорукости ни одним случайным прищуром...

Мэйлин Юн

Пожарник из будущего? Мэй даже сначала не поняла, о чем он говорит, тем более, что совсе не ожидала такого ответа. Думала, как минимум - смутится, замолкнет, голову опустит, и ничего подобного. А потом дошло - Брэдбери же. Ну, наверное, местная библиотека такого не потерпела бы...

Мэйлин не сдержала улыбки, когда на парня сверху прилетела книга - это верно, знак свыше. А вот ей, к слову, очень нравилась тишина библиотеки. Она словно...живая какая-то. Время боится большого скопления книг. Оно пугливо прячется по углам, старательно избегая любого контакта со свитками и фолиантами, оно крадется вдоль стен, не касаясь полок, оно делает робкие попытки коснуться каждого корешка, но отдергивает свои маленькие жадные пальчики, так и не дотянувшись - словно только одна мысль о прикосновении нестерпимо обжигает. Но стоит только одной книге покинуть свое уютное ложе на книжной полке, как время

смелеет, бросается зверем, рвет и дерет когтями, вырывая клочья листов, теребя обложку, пуская свитки прахом по миру – и книга умирает. Не сразу – но начало положено. Она все равно умрет, рано или поздно. А потом книгу, истерзанную, раненую, вновь ставят на полку, и время замирает, вечно голодное и ненасытное уходя в засаду по углам библиотек. И тишина дышала. Временем, умирающими книгами и вздыхающими от боли свитками.

- Ты недавно в монастыре? Я тебя еще не видела, - поинтересовалась Мэй, чуть подвигая свои бумаги дальше по столу и давая молодому человеку больше места. Почему-то сейчас стеснения, обычного для нее в компании парней, она не ощущала. И она честно видела его впервые. Может быть потому, что не смотрела, а стоило бы. - И что за книга выступила в качестве божественного пинка?

Лионель Эпинэ

Несколько мгновений Эпинэ пребывал в честном замешательстве. С одной стороны - не отвечать девушке невежливо, еще обидится и сочтет хамом и неотесанным грубияном. А это же будет вранье, самое натуральное... С другой стороны - вот же, только что был знак свыше, книгой по затылку, прикусить свой длинный язык и рот закрыть на замочек и застегнуть на молнию... В итоге Эпинэ сперва совершил еще одно кощунственное действие - почесал уголком книги нос. И только потом, подсаживаясь к девушке, ответил:

- Я тут? Да всего пару недель, наверное, не больше... Вообще-то меня еще мало кто видел. Книга... не знаю, но наверное, какая-нибудь очень мощная вещь, раз сама непотребных людей по затылкам лупит, - Лионель пробежал взглядом по выведенным на обложке затейливым иероглифам, сначала спереди назад, потом сзади наперед - пожал плечами и с легким вздохом положил книгу на стол. Сплошное наказание. И эти - слишком мелко, с первого взгляда не разобрать... а вглядываться и вчитываться Эпинэ не хотел. Да какая, в конце концов, разница, что за талмуд ухо чуть не снес?...

Мэйлин Юн

- А почему мало кто видел? Ты специально ото всех прячешься? - Мэйлин без особого энтузиазма написала еще пару иероглифов, и даже один из нескольких получился довольно сносным, но не более. В силу характера сидеть долгое время на одном месте девушка не любила. А тут еще и достаточно кропотливая работа, когда нужно делать век точно по образцу, иначе получается какая-то ересь, а не иероглифы. Одним словом - это ужасная скука, морока и трата времени.

- Это "Путешествие на Запад" - узнала Мэйлин книгу, да не просто книгу - а целую книжищу аж из четырех томов. Когда-то она пыталась прочесть ее всю, но умерла на половине третьего тома, так и не закончив "увлекательное", несомненно, чтение. А сейчас книга, значит, вернулась в виде кармы и способа ее очищения. непонятно, правда, где ж Мэй так умудрилась ее так загадить, но божественный намек был понят, надо будет опять сесть за прочтение. - Основа китайского фэнтези.

Вероятно, говорить так именно ей - кощунство и вандализм, потому что она должна любить свою страну, свой народ и своих великих авторов. Но Мэйлин сейчас не любила никого, особенно страну, давшую миру почти шестьдесят тысяч письменных

знаков, которые и составляли основу китайского письменного языка. Конечно. почти все иероглифы в той или иной мере состоят всего из двухсот четырнадцати ключей, но легче от этого не становилось.

- Я Мэйлин, - запоздало представилась девушка, выводя еще парочку кривеньких иероглифов, отчего знакомство получилось весьма обыденным. Словно так, между делом познакомилась.

Лионель Эпинэ

- Прячусь? Вот еще! - почти что возмутился Ли. - Да-да, конечно, ползаю под кустами, как контуженный ниндзя, теряя по дороге очки с носа... Слушай, я, конечно, скромный, но все-таки не настолько! - И да, для того, чтобы увести разговор в несерьезную плоскость, Эпинэ не делает практически ничего, разве что рот раскрывает. А так оно само. Самоно... - Это все остальные прячутся. Мало кто мне навстречу попадает, вот и все. Не расставлять же мне силки на здешних обитателей, согласишься? А то это уже какое-то браконьерство получится... Ну, то есть, не браконьерство, а... - несколько секунд Лионель рассматривает потолок, словно пытаясь отыскать там нужное слово, а потом решительно заключает: - Короче, попросят меня отсюда за такое!

- Основа китайского фэнтези, говоришь? - Мамочки, да ради такого случая Ли даже извлекает из кармана очки. С умным видом водружает их на переносицу - и теперь наконец осматривает иероглифы на корешке нормально. Чтобы в слова складывались. Правда, весь титанический труд затеян только для того, чтобы через полминуты очки снять, снова спрятать и констатировать: - Не люблю фэнтези. Я в нем как-то... барахтаюсь только, что ли, когда вообще-то плыть надо... Очень приятно, Мэйлин. Меня Лионель зовут, можно просто Ли, - слабая попытка хотя бы не смазывать знакомство до конца, придать ему какую-никакую, а четкость... правда, получается плохо. Из рук вон плохо. Вот размазывать - это да, это Ли первый мастер, это прям его. А вот наоборот, четкость придавать - вот тут увольте, руки хоть и золотые, но все же растут не оттуда... А сокращение имени родилось уже тут, на Тибете. Потому как с коротким именем местным жителям справиться проще, уши вянут слушать, как они с полным возятся...

Мэйлин Юн

Мэйлин следом за парнем смотрит в потолок, отыскивая там что-то, одному ему известное, но так ничего и не находит, в отличие от своего нового знакомого. Так что приходится вернуться с небес на землю и еще раз тоскливо посмотреть на кривые ключи, которые Мэйлин из своих последних сил старается делать очень прямыми, но, вероятно, все же прилагая к этому недостаточно усилий, раз ключи один за одним остаются такими же неровными, как и до этого. Мэйлин с вежливым интересом наблюдает, как Лионель водружает на нос очки и принимает это как нечто само собой разумеющееся, хотя в монастыре мало кто носил очки. Но если он недавно в монастыре, то может и не знать о возможностях здешних мастеров, которые не то что зрение могут лечить - а и все остальное тоже. Только вот говорить об этом вслух Мэй не спешит, зная, насколько может быть неуместным ее замечание.

- А я вообще не люблю китайскую литературу, в ней очень много ненужной

философии, - сказала Мэй, являясь настолько коренной китайкой, что даже страшно становится. Мэйлин любит философию, но только ту, что относится к чань-буддизму, а не когда автор начинает рассуждать о форме лепестка сакуры, и его рассуждения уводят в такую даль, что внезапно начинает казаться сходство этого лепестка со всеми окружающими предметами. Согласитесь, неприятно, когда твой утренний салат внезапно передает тебе привет от сакуры и мудроно излагает несколько очень философских строчек.

- Так а чего ты в библиотеке хотел найти? - разговор, честно сказать, не блещет остроумием и обилием захватывающих вопросов, но Мэйлин отчаянно не хочется возвращаться к каллиграфии, поэтому она старательно ищет, о чем бы еще можно поговорить с новым знакомым. На самом деле в последнее время Мэй совсем выпала из общественной жизни монастыря, редко пересекаясь с новичками и предпочитая одиночество чьему бы то ни было обществу. Но в противостоянии "каллиграфия-знакомство" все же лучшим вариантом представляется именно знакомство. Может быть пора и вылезать из своего добровольного затворничества и начинать общаться с другими людьми. Иначе скоро начнутся мерещиться мышцы, кости и прочие части человеческого тела вместо лиц и фигур.
